

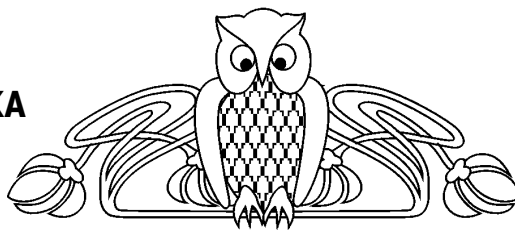

УДК 94(47). 05+929 Петр I

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ЦЕНЗУРЫ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Л.К. Старкова

Саратовский государственный университет
E-mail: ludastarkova-history@mail.ru

В статье рассматривается процесс становления цензурного контроля над печатью в условиях реформирования всех сторон жизни российского общества в первой четверти XVIII века.

Ключевые слова: цензура, печать, реформы, общество, первая четверть XVIII века.

On Establishment of the Russian Censorship in the First Quarter of 18th Century

L.K. Starkova

The article examines the process of press censorship establishment in the environment of reforms that encompassed all spheres of life of the society in the first quarter of 18th century.

Key words: censorship, press, reforms, society, the first quarter of 18th century.

С новыми идеями общественно-политической жизни российские читатели знакомились в начале XVIII в. в основном через переводные сочинения зарубежных авторов, так как иностранные периодические издания были доступны только ограниченному кругу лиц. Перечисляя многообразие сфер деятельности Петра I, М.Н. Погодин в числе наиважнейших указал на изменения, затронувшие печать, язык, типографии, академии¹. Используя возможности печати, царь стремился объяснить необходимость перемен во всех сферах государственной и общественной жизни, нейтрализовать оппозицию внутри страны и за ее пределами. Развивая печатное дело, Петр одновременно определяет правила контроля за изданием книг и периодики. Рассмотрим, какие меры предпринимались для регламентации деятельности печати, чем была вызвана такая потребность.

В России до начала XVIII в. издавались книги преимущественно религиозного характера, которые подлежали рассмотрению высшего духовенства. С 1620 г. при Печатном дворе изданные книги просматривались «правщиками», которые отбирались с особой тщательностью из людей, известных твердостью в вере, грамотных, высоко нравственных и зажиточных². Не соответствовавшие требованиям книги подлежали сожжению, так же поступали с конфискованными светскими сочинениями. Опыт организации цензурного контроля и применения санкций пригодился при организации цензуры сочинений светского характера.

В европейских странах начиная с XVII в. печать активно участвует в формировании обще-

ственного мнения и политических взглядов. Деятельность издателей и авторов подчинялась многочисленным постановлениям о печати, где подробно рассматривались и цензурные правила. Например, французское и английское правительство, предоставив издателям ряд льгот, умело использовали печать для борьбы с оппозицией и инакомыслием. Издатели, нарушившие законы о печати, подвергались действию карательной цензуры и нередко приговаривались судом к штрафам и тюремному заключению³.

Типография в Москве не подходила для печати светской и прежде всего научной литературы, поэтому Петр решил использовать голландские типографии, с деятельностью которых он ознакомился во время заграничного путешествия. В 1700 г. царский указ «позволил» голландскому купцу Я. Тессингу, «за учиненные его к великому посольству... верные службы», монопольно печатать в Голландии светские книги на русском, голландском и латинском языках в течение 15 лет и продавать их в России. В Жалованной грамоте Голландцу, Амстердамскому жителю, Ивану Тессингу среди многих условий, содержалось требование, что он должен показать «службу свою и прилежное радение», чтобы чертежи и книги напечатаны были к славе и похвале Царскому Величеству и к общей народной пользе, ... а понижения чести Царского Величества и Государства не было⁴. Выпущенные Тессингом книги должны были помечаться его клеймом и подписью. Это нетипичный вариант цензурных условий. Следует обратить внимание, что в Грамоте не упоминается о контроле выпущенных изданий и о возможных санкциях.

Начиная с 1704 г. книги печатаются и в России, в Московской типографии при Монастырском приказе, в 1711 г. начала работу типография в Санкт-Петербурге, или Печатный двор, которую Петр называл «своей» типографией. «Направо находится новая типография, которая в той стране является редкостью, между тем нельзя купить почти никакой русской книги, какова бы она ни была», – отмечал немецкий путешественник⁵. Что касается книг русских авторов, их было очень мало, преобладали переводные сочинения (учебники, научная, политическая литература). Книги в Петровскую эпоху печатались небольшим тиражом: от 100 до 1200 экземпляров. Только азбуки, духовные книги и указы выходили в значительном количестве⁶.

В первой четверти XVIII в. все книги в России печатались в государственных типографиях по указу или повелению монарха и с санкции высших духовных лиц, позже такая прерогатива принадлежала Синоду. Осуществляли цензуру изданий определенные лица. Например, в Москве вторая Гражданская⁷ типография была учреждена по именному указу Петра 30 мая 1705 г. для печати учебных книг, причем предписывалось «таковые книги, с иностранных языков перевода, за достоверным свидетельством митрополита Стефана Яворского печатать». При этом к свидетельству духовного лица обязательно требовалось подтверждение «сведущих в данной науке лиц»⁸. Через год «из военного походу» пришло распоряжение царя о причислении второй Гражданской типографии к артиллерии под «смотрением» генерала Я.В. Брюса⁹. Надзор за работой типографии предполагал и исполнение цензорских функций. Исключалась всякая возможность внесения произвольных изменений в текст. Например, 6 ноября 1706 г. Брюс в письме поручает дьяку Приказа артиллерии Н. Павлову передать мастеру В. Киприанову, чтобы печатал такие «книжки и листы, какие преже сего бывали, ... а вновь собою ничего не вымышлял, дабы ему в том слова не нажить»¹⁰. 9 ноября 1706 г. Я.В. Брюс в письме напоминает издателям, что «государя царевича Алексея Петровича не надлежит писать благородным, понеже во иных странах всякой шляхтич знатной пишется благородным, а надлежит писать – его царская высокоость»¹¹. Подобные рекомендации получал директор типографии Ф. Поликарпов от «надзирающего» за его деятельностью боярина И.А. Мусина-Пушкина, возглавлявшего Печатный и Монастырский приказ¹². «Предупреждения», по сути, являются цензорскими замечаниями. Это наиболее мягкий вариант предварительной цензуры. В указанный период духовенство по-прежнему продолжает сохранять решающее значение в организации контроля над книгоизданием. 16 февраля 1721 г. Сенат предписал «Санктпетербургской, Московской, Киевской, Черниговской и прочим Российского государства типографиям быть под ведением Святейшего правительствующего Синода, ... от которого и о печатании книг повеления требовать, а без повеления того духовного Синода никаких книг не печатать»¹³. По постановлению Синода протектором и директором над всеми типографиями был назначен советник Синода, архимандрит Гавриил Бужинский¹⁴. Фактически, это распоряжение только подтверждало уже сложившуюся практику. В тот период все светские книги издавались по царскому указу, и в этих случаях контроль духовенства носил формальный характер. При издании обязательно указывалось, где «предана книга тиснению», в какой типографии и под чьим наблюдением («надзрением»). Необходимость решения сложных внешнеполитических задач, создание новых государственных учреждений тре-

бовали воспитания новых культурных навыков. Растет интерес к литературе, количество изданий постепенно увеличивается. Особое внимание уделялось контролю переводной литературы.

Книги для перевода и печати царь отбирал сам и поручал эту работу служащим Посольского приказа, Печатного двора, приглашенным иностранцам, даже пленным шведам. Цензурные замечания чаще всего касались точности перевода. Например, в письме к переводчику И.И. Зотову в феврале 1710 г., говоря о книге Блонделя «Новая манера укрепления городов», после похвалы «зело хорошего и внятнотого перевода разговоров», Петр перечисляет замеченные ошибки и посылает для примера страницу, которую сам исправил и вклеил на место вырезанной¹⁵. При просмотре перевода книги Пуффендорфа¹⁶ царь потребовал вернуть в текст нелестное высказывание автора о русских, выпущенное переводчиком¹⁷. Цензурные замечания того периода чаще всего отражают стремление внести ясность в смысл текста книги и реже – ограничение по каким-либо, политическим или религиозным мотивам¹⁸. При рассмотрении переводных книг Синод безоговорочно следовал рекомендациям Петра. Духовная цензура не препятствовала изданию в 1717 г. в Петербурге перевода книги Гюйгенса «Книга мировоззрения» – сочинения, признающего систему Коперника. В 1724 г. царь отправил в Синод «выпращенную и сокращенную» им часть перевода сочинения Гохберга (по вопросам ведения сельского хозяйства) в качестве примера для переводчиков и цензоров¹⁹.

Особенно придирчивой цензуре подвергались издания пропагандистского характера, которые печатались огромными тиражами и часто распространялись бесплатно. «Книгу о брадобритии» напечатать в количестве 4000, для того «чтобы разослать по всем местам и стараться оную доставить до рук сумнящихся», – писал Петр 26 ноября 1714 г. И.А. Мусину-Пушкину²⁰. Информация о жизни страны и соседних государств помещалась в печать только после тщательного цензурного отбора. Инакомыслие, проявлявшееся в рукописных сочинениях, подавлялось самыми решительными мерами. Монахам в монастырях в соответствии с Регламентом разрешалось что-либо писать только в общей комнате с разрешения настоятеля, нарушителям грозили телесные наказания²¹.

Рассмотрим, как при издании первой российской газеты формируются навыки взаимоотношений государства, издателей и авторов и какое значение для общества и периодической печати имели первые цензурные установления в этой области.

Слово «газета» в основе итальянское, так называлась в Италии мелкая монета (Gazzetta), которой расплачивались венецианские купцы и банкиры за рукописные листки с новостями о деловой жизни в стране и мире²². В России первые рукописные газеты назывались «Вести», «Вестовые письма», «Листы» или «Куранты», от

французского слова *courant* – текущий. Писали «Куранты» в одном экземпляре, редко в трех – для царя и ближайшего окружения. В отличие от иностранных государств, где газеты были общедоступны, круг первых российских «читателей» газет был очень узок и ограничен тайной. Сообщения о важнейших европейских событиях переводились в Посольском приказе из голландских, немецких, шведских и польских газет. Количество выписываемых изданий насчитывало более сорока названий. После прочтения газету обязательно возвращали в Посольский приказ или приказ Тайных дел²³.

В именном указе о начале печатания «Курантов» от 16 декабря 1702 г. изложены цель издания газеты, порядок сбора информации и круг предполагаемых читателей. «Для извещения о заграничных и внутренних происшествиях, о воинских и о всяких делах, для объявления Московского и окрестных государств людям, печатать куранты»²⁴. В газете печатались известия с мест, трактовались международные события, разъяснялись политические документы и распоряжения царя и правительства. Выпуски насчитывали от 100 до 2000 экземпляров, часто газеты раздавались бесплатно с пропагандистскими или иными целями. Например, в 1708 г. «Ведомости» печатались по 100, 150, 200, 400, 700 экземпляров, в 1724 г. иногда печатали только по 30 номеров. Отчет о Полтавской битве разошелся в 2500 экземпляров, а номер от 22 марта 1703 г. имел наивысший тираж – 4000²⁵. Иногда неизвестные переписывали от руки газетные сообщения, даже сочиняли «Лже-Куранты». Это беспокоило власти, и царь отдельным указом потребовал, «дабы впредь никаких вымышленных и затейных курантов не писали и не печатали, и не продавали»²⁶.

Круг читателей «Ведомостей» составляли дворяне, купцы, простые люди, поэтому процесс издания газеты контролировался только доверенными лицами монарха. Каждая типография приписывалась к одному из Приказов, позже Коллегий, и работала под «надзрением» президента Коллегии, у которого в подчинении находился директор, ответственный за выпуск книг и «Ведомостей». Именно к этим должностным лицам и переводчикам царь чаще всего адресовал свои распоряжения.

До 1711 г. «Ведомости» издавались на Московском Печатном дворе, после основания типографии в Петербурге газета печаталась в обеих столицах. По сохранившимся в архиве заметкам на номерах газет можно восстановить этапы отбора материала для печати в типографии. Внутренние сообщения для газеты не всегда предварительно просматривались в Кабинете, иногда они поступали сразу к директору – редактору. В Москве изданием газеты руководил литератор и переводчик, первый редактор, поэт Ф.П. Поликарпов-Орлов. В Петербурге изданием газеты занимался директор типографии М. Аврамов. Редактор собирал

сообщения из Приказов и Коллегий, готовил материалы для печати, корректировал, проверял переводы и на своем этапе подготовки издания определял, можно ли напечатать сообщение. Пропущенное в печать отмечалось буквой «д» (делать) или крестом. Фактически, это пример совмещения обязанностей цензора, редактора и издателя. То, чего не следовало печатать, заклеивали белой бумагой, помечали это место буквой «н», либо скобками с предупреждением: «Сей статьи меж скобок в народ не печатать». Это замечание четко определяло одну из целей цензурной правки. «Сомнительный» материал сопровождался пометкой на полях: «быть ли сему?», «спросить», «доложить о сем»²⁷. В таком случае окончательное решение о допуске к печати принимал царь или доверенное лицо монарха, кабинет-секретарь А.В. Макаров.

Постоянных сотрудников и корреспондентов в газете долгое время не было. Первый постоянный сотрудник газеты в Петербурге, переводчик Коллегии иностранных дел Б. Волков, с июля 1719 г. получал на почте иностранные газеты и должен был по царскому указу, «переводя приличное, к печати отсылать». Б. Волков скоро стал руководить изданием газеты в Петербурге (до 1727 г.) и часто сообщал типографским рабочим, что «Ведомости» государю «нравны», он сам их прочитывает и собирает погодно²⁸. Директор следил, тобы в типографии не допускали произвольного исправления и вычеркивания из утвержденного текста сообщений. За опечатки, неточности, проволочки цензора-директора ожидали «шум и осуждение» государя²⁹. Переводчик Я. Синявин, второй постоянный сотрудник газеты, должен был отбирать сообщения об интересных событиях придворной жизни и деятельности коллегий, т.е. «ведомости публичные»³⁰. Когда царь находился в столице, то он сам осуществлял подбор и корректировку материалов для печати, дополнял соответствующими документами и иногда редактировал целые номера. В печать газета отсылалась только после прочтения директором пробного оттиска, окончательное решение принадлежало царю.

Кроме цензурной правки, Петр принимал непосредственное участие в подготовке важнейших материалов «Ведомостей». Например, на следующий день после битвы при Лесной в Москву было послано написанное Петром для 12-го номера «Ведомостей» сообщение «из военного походу»³¹. 16 октября 1708 г. царь составил первую редакцию для печатного плаката-объявления об этом событии и подготовил несколько вариантов плана сражения и объяснения к нему³². В письме к царевичу Алексею Петр пояснил: «При сем послан к Вам чертеж с подписью бывшей баталии под деревнею Лесной, который отдай Пикарту³³, чтоб он таков, не мешкав, вырезал, и, напечатав также и подпись, напечатал по-русски и по-галански, прислать к нам»³⁴. Публикация таких важных сообщений находилась под особым контролем царя.

Основным источником зарубежной информации чаще всего служили немецкие газеты. Посольский приказ получал их через две недели после выхода, затем они просматривались царем или кабинет-секретарем А.В. Макаровым, без одобрения которого к императору не попадала ни одна бумага. Заграничные новости сообщали также послы России в Турции (Шафиров), Бестужев (в Пруссии), Долгорукий (в Дании)³⁵, иногда газета печатала сообщения россиян, путешествующих по Европе.

Отобранные к печати сообщения передавались переводчикам, потом, после проверки правильности перевода, заметка отсылалась в набор. Материалы для «Ведомостей» о событиях внутренней жизни доставляли многие люди из окружения царя: Б. Куракин, Г. Головин, А. Матвеев, А. Макаров, П. Толстой, П. Шафиров, Ф. Прокопович.

Директор-цензор при Петре пользовался относительной свободой при исполнении своих обязанностей. Две приписки Б. Волкова на номерах «Ведомостей» за 1726 г. показывают, как изменилось отношение к сотрудникам газеты: «важного, досадительного, сумнительного и негодного переводить я опасен и, прямо сказать, не смею. И тако извольте ждать только куриозного да знатного, не досадительного. Время бо настоящее мутно, трудно, хлопотливо и ненадежно»³⁶. Редактор заверяет начальство в своей лояльности в настоящем и будущем, чтобы самому не подпасть под санкции карательной цензуры. В записях можно заметить неуверенность и страх редактора-директора, а также отметить новые критерии отбора газетных материалов.

В итоге можно сделать следующие выводы. Петр I, всемерно содействуя развитию книгопечатания, созданию первой постоянной газеты, не допускал самостоятельности авторов, издателей и переводчиков. Их деятельность регламентировали официальные документы, часто Петр лично излагал свои распоряжения в письмах, записках, указаниях ближайшим помощникам. Постепенно у писателей, переводчиков, составителей новостных сводок, издателей формируется понимание того, что можно, а что ни в коем случае «в публику» пускать нельзя, формируются навыки самоцензуры.

В новых условиях книга несет знания, освещает политические и другие проблемы, написана более понятным языком, она востребована, и прежние меры духовной цензуры дополняются постановлениями о правилах цензуры светских книг и периодической печати. Общие положения цензурных запретов доводятся до сведения издателей и переводчиков указами или конкретными распоряжениями царя и его приближенных. Формально цензура подчинена контролю высшего духовенства (с 1722 г. – Синода), но к контролю периодических изданий духовенство не допускается. Предупредительная цензура периодических

изданий действует уже на этапе отбора информации, в книгоиздании все переводы и сочинения печатаются только по повелению царя, поэтому в этой области цензура касается внутреннего содержания избранного для печати произведения.

Постепенно, иногда откликаясь на требования времени, иногда предвосхищая события, в России начала XVIII в. постепенно складывается оригинальная система цензурного контроля, которая отвечала историческим реалиям развития российского общества. Уникальность ситуации в том, что монарх, определяя круг разрешенных и запрещенных для печати тем, возложил на себя обязанности верховного цензора и редактора не только книг, но и первой русской газеты. «Петр I, вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе, нашел тогда такие удобства, которых и сам не ожидал», – так оценила Екатерина II итоги многогранной деятельности царя-преобразователя³⁷. Оценив значение печати и пытаясь использовать накопленный в этой области европейский опыт, Петр не принял иностранных примеров в вопросах контроля над литературой и организовал цензуру в России по своим правилам.

Примечания

- 1 См.: *Погодин М.П.* Петр Великий // Историко-критические отрывки. М., 1846. Т. 1. С. 342.
- 2 См.: *Безсонов С.В.* Надзор за книгой. Опыт систематизации материалов о цензуре в допетровскую эпоху. М., 1918. С. 38.
- 3 См.: *Лабутина Т.Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005.
- 4 ПСЗ. № 1751.1 собрание. Т. IV. 1830. С. 6–8.
- 5 Цит. по: *Тонкова Р.М.* Петербургские типографии первой четверти XVIII в., включая академическую // Труды Института книги, документа, письма. Вып. V. М.; Л., 1936. С. 114.
- 6 См.: *Адарюков В.Я.* Книга гражданской печати в XVIII в. // Книга в России. Ч. I. М., 1925. С. 177.
- 7 «Гражданской» типография называлась, так как была открыта «ради тиснения и продажи разных к гражданству потребных книг и листов».
- 8 *Бородин А.В.* Московская гражданская типография и библиотекари Киприановы // Труды Института книги, документа, письма. Вып. V. С. 58–59.
- 9 Типография находилась под «надзором» Я.В. Брюса до 1723 года.
- 10 Цит. по: *Бородин А.В.* Указ. соч. С. 64 (имеется в виду, что за ошибки можно жестоко поплатиться. Это признак карательной цензуры).
- 11 Там же. С. 77.
- 12 См.: Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом. Переписка директора Московской синодальной типографии Федора Поликарпова с графом Мусиным-Пушкиным, начальником Монастырского приказа. 1715–1717 // Русский архив. 1868. Стб. 1043.
- 13 ПСЗ. Т. IV. № 3741. С. 358.

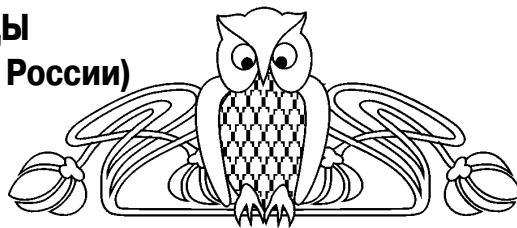
- ¹⁴ См.: Описание документов и дел архива Синода. Т. 1. СПб., 1868. Стб. 464.
- ¹⁵ См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9, вып. 1. М.; Л., 1950. С. 106.
- ¹⁶ В царствование Анны Иоанновны все издания книги Пуффендорфа изъяли у частных лиц.
- ¹⁷ См.: Штелин Я.Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч. 2. М., 1830. С. 30–31.
- ¹⁸ См.: Пекарский П.П. Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 282, 283.
- ¹⁹ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1876. Т. 4. С. 207.
- ²⁰ Цит. по: Пекарский П.П. Указ. соч. Т. 2. С. 319.
- ²¹ См.: Архангельский А. Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1883. С. 209.
- ²² См.: Западов А.В. Русская журналистика XVIII в. М., 1964. С. 8.
- ²³ См. подробно: Западов А.В. Указ. соч.; Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 2. М., 1987.
- ²⁴ ПСЗ. 1 собрание. Т. IV. 1830. С. 201. № 1921.
- ²⁵ См.: Западов А.В. Указ. соч. С. 15.
- ²⁶ Цит. по: Андарюков В.Я. Указ. соч. С. 70.
- ²⁷ См.: Кузьмина В.Д. Возникновение периодической печати в России и развитие русской журналистики в XVIII в. М., 1948. С. 8.
- ²⁸ Там же. С. 9.
- ²⁹ Там же. С. 10.
- ³⁰ Мальшинский А. Первый русский репортер // Исторический Вестник. 1886. № 5. С. 387–391.
- ³¹ Во время длительных поездок царя сопровождала походная типография. В персидском походе 1722 г. типография печатала манифесты на турецком языке.
- ³² См.: Быкова Т.А. Из истории русского книгопечатания начала XVIII века // Книга. Исследования и материалы. Сб. IX. М., 1964.
- ³³ Мастер-гравировщик.
- ³⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VII, вып. 1–2. М.; Л., 1948. № 2723–2726 и 2734.
- ³⁵ См.: Западов А.В. Указ. соч. С. 12.
- ³⁶ Кузьмина В.Д. Указ. соч. С. 11. Возможно, надпись сделана на номерах, которые отсылались для предварительного просмотра Макарову.
- ³⁷ Наказ Екатерины II Комиссии о сочинении проекта нового Уложения: В 144 т. // Сб. РИО: В 114 т. Т. 9. СПб., 1872. С. 146.

УДК 94(47+57).06+929 Левек

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ П.-Ш. ЛЕВЕКА (проблема «цивилизации» России)

Э.В. Ильиченко

Институт истории и международных отношений
Саратовский государственный университет
E-mail: coursisitca@rambler.ru

В статье рассмотрены общественно-политические воззрения одного из ярких представителей эпохи французского Просвещения, историка России П.-Ш. Левека. Большой интерес представляет анализ взглядов Левека на наиболее острые вопросы государственного и общественного устройства России XVIII в.: времени правления Петра I и Екатерины II. В ходе рассмотрения темы были сопоставлены суждения французского историка с идеями одного из ведущих философов эпохи Просвещения Д. Дидро.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, цивилизация, общественно-политические взгляды, реформы, Левек, Дидро.

The Socio-Political Views of P.-Sh. Leveque (Problem of Russian «Civilization»)

E.V. Ilichenko

In the article deals with socio-political views of one of brightest representatives of the French Enlightenment era, the historian of Russia P.-Sh. Leveque. The great interest is the analysis of the views by Leveque on the most urgent problems of state and public arrangement of Russia of the XVIIIth century: the reign of Peter I and Catherine II. In considering the topic judgments of the French historian with

the ideals of the one of the leading philosophers of the Enlightenment era, D. Diderot were compared.

Key words: enlightenment era, civilization, socio-political views, reforms, Leveque, Diderot.

Тема «цивилизации» России неразрывно связывалась зарубежными авторами XVIII в. с оценкой преобразований Петра I. Размышления по поводу времени правления царя-реформатора и его преемников явились составной частью общественно-политических взглядов Пьера-Шарля Левека.

П.-Ш. Левек (1736–1812) – французский ученый эпохи Просвещения. Его многотомная «Российская история» – фундаментальный труд, ставший классическим уже при жизни автора и положивший начало научному изучению русской истории во Франции. «История» Левека пользовалась популярностью и у российских читателей.

Известно, что на рубеже 1750–60-х гг. в среде просветителей определились две полярные точки зрения в оценках преобразовательной политики Петра I – их сформулировали Вольтер и